

ЖИВОТВОРНАЯ СИЛА СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Каждый день приносит нам вести о новых и новых победах советских людей. Эти победы одерживаются на полях сражений, в лабораториях ученых, в мастерских художников. И в основе каждой из этих творческих побед — окрыляющая, животворящая сила советского патриотизма.

На протяжении всей традиционной истории советского государства любовь и великая социалистическая Родина вложила миллионы верных сынов народа на труд и на битвы, всецело творческую энергию, рождала подвиги, удивляющие мир.

Страна Советов стала гордостью и надеждой всего прогрессивного человечества. Превосходство нашего общественного строя, нашей идеологии, нашей культуры над буржуазным строем, над расставленной «культурой» современного капиталистического Запада стало сейчас очевидным для всех честных, передовых людей мира.

Сознание могущества нашей Родины, справедливости нашего дела и величия нашей мысли наполняет законной гордостью сердца советских патриотов.

«В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разделяет, а наоборот, сплавляет все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляют готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободными народами мира» (Н. Сталин).

Созидательная, творческая сила советского патриотизма противостоит сейчас разрушительным «теориям» буржуазных идеологов. Насаждаемые космополитизм, империализм, «красноносцы» являются идеологическим замесом, своим посягательством на национальный суверенитет свободных народов.

Вот что писал В. Г. Великий: «Космополитизм есть какое-то ложное, бессмысленное, страшное и непонятное явление, являющееся бедствием, туманным призраком, существующим безразличное, бездушное, недостойное называться святым именем человека».

То, что Великий мог еще с полным правом называть безразличным, стало прямым преступлением перед человечеством, когда Советский Союз стал оплотом мирового прогресса. Любовь к нашей Родине, уважение к ней — это сегодня неотъемлемые приметы каждого честного и свободного человека, основа подлинного революционного интернационализма. Главной космополитизм стал оружием.

Вперед и выше!

Завтра мы празднуем День Воздушного Флота СССР. Наша Родина — могучая авиационная держава. Наша авиация — любимое детище народа. Без авиации — это была бы фантастика. Без авиации — это была бы фантастика. Без авиации — это была бы фантастика.

Сталинский зовем мы славу советскую авиацию. Сталинскими соколами зовем мы наших доблестных авиаторов. Так народ выражает беспримерную любовь к тому, кто создал и вывел вперед наш Воздушный Флот, кто превратил его в могучую и грозную силу. Вся история богатейшего роста, стремительного технического прогресса, непрерывного совершенствования отечественной авиации, весь ее победный, героический путь связаны с именем великого Сталина.

Русским ученым изобретателю принадлежит приоритет в разработке важнейших проблем авиационной техники. Генеральные открытия Жуковского, Циклового, Можайского, в котором мы рассказывали в предыдущих номерах, смело новаторство таких замечательных героев, как Нестеров, наметили очерченную дорожку развития авиации. Но в условиях паркового строя из творческой мысли, обогащая время, не находила широкого практического применения.

Только большевикам с их революционным размахом под силу было сделать творческую метву, пробудить все творческие, созидательные силы нашего подлинно революционного народа.

В годы сталинских пятилеток советские люди создали мощную металлургию, машиностроение, моторостроение. Тем самым была заложена материальная база для роста и развития авиации.

Лучших сынов своих послала Родина в ряды сталинских авиаторов. В аэролудах, в авиашколах, в воздушных академиях учили они высокому искусству пилота, штурмана, воздушного стрелка. Советские летчики, овладев передовой техникой, на отечественных машинах удивляли мир небывалыми подвигами.

— Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех! — этот сталинский девиз возмужал летчиков-патриотов и в дни мирного созидания и в дни сражений.

Великая Отечественная война показала всему миру могущество нашей авиации. Непререкаемый полководец, гениальный Сталин, движимый любовью к великому вождю, к партии, к социалистической отчизне, наши летчики показали чудеса храбрости, самоотверженности, мастерства.

Незабываемый подвиг рабочего класса, чей самоотверженный труд обеспечил летчиков первоклассными машинами и вооружением.

Имена героев отечественного самолетостроения — Яковлева и Ильюшина, Лавочкина и Туполева, имена советских пилотов — великого летчика нашего времени Валерия Чкалова, Покрышкина и Юмашова, Молодого и Сафоновы произносятся у нас с любовью и уважением.

Жизнь патриотизма, дымовой завесой поджигателей войны.

Отстанная высь идем национальной гордости, мы тем самым отстаиваем уважение к суверенитету и независимости всех стран, мир и дружбу между народами.

А если тряхнуть любого из трубадуров буржуазного космополитизма, то непременно тут же обнаружится его расклевывание, его фашистская сущность, алчное стремление к порабощению других народов.

Космополитической декламацией стремятся сегодня всечеловеческие социал-предатели приукрасить свой незавидный удел лакеев, угождающих перед хозяевами. «Теория» о том, что «наука не имеет границ» и что «вопросы приоритета не имеют никакого значения», на деле могут служить только врагу.

Мы должны яростно и непримиримо бороться против всех и всяческих проявлений космополитизма, всемерно разоблачая лживую и опасную демагогию поборников «бездомности» науки и культуры.

Влияния космополитизма, еще гвездились в среде литераторов и филологов, сказались в недавнем споре, возникшем вокруг А. Веселовского.

В области естественных классовая сущность подобных любителей «бездомности» и «национальной» фразеологии была о предельной наглядностью продемонстрирована, когда низкопоклонствующий член А. Жибров пошел в объезд мажорейшего реакционера Барда Сакса и его компании.

В философской науке вредные космополитические идеи напавшие поборники в лице тов. Б. Кедрова. Слово покаяния об основах ленинского-сталинского учения, он отрицает значение национального приоритета в науке.

Подобные явления несопоставимы с национальной гордостью в честь, присущей советским людям.

Успех таких драматургических произведений, как «Великая сила» В. Ромашова и «Закон чести» А. Штейна, превращение фамилии персонажа из «Великой силы» Милитина в нарицательную кличку космополит-низкопоклонника свидетельствуют о том, как глупо отклоняется вся советская общественность на любое проявление колушества перед капиталистическим Западом.

Воспитание советской национальной гордости и пропаганда пламенного советского патриотизма, разоблачение враждебной сущности космополитического фразерства — это долг всей советской интеллигенции и одна из главнейших задач нашей литературы.

Создание произведений глубоко патристических, утверждающих величие нашей Родины и правоту нашего дела, произведений, воспитывающих советскую национальную гордость и честь, создание острейших памфлетов, разоблачающих и клеймивших низкопоклонство, скрывающих его враждебную суть, — такое благородное и насущное дело советского писателя.

Советский народ законно гордится боевой славой своих летчиков.

319 раз отменялось во время войны отменные боевые действия сталинских соколов в приказах Верховного Главнокомандующего.

2.100 летчиков, штурманов, воздушных стрелков удостоены звания Героя Советского Союза.

Около 200.000 воздушных воинов награждены орденами и медалями.

Огромны заслуги нашего Воздушного Флота перед отечеством. Но советские летчики, как это свойственно большевикам, не успокаиваются на завоеванном, не останавливаются на достигнутом.

Остановиться — значит отступить. Только неуклонное стремление вперед, только смелые поиски и вдохновенное творчество приводят к творческой победе.

В последние годы советские авиаторы неутомимо продолжают совершенствовать свое мастерство. Летчики Военно-Воздушных Сил, доблестно охраняя труд народа, надежно обеспечивая государственные интересы страны социализма, помнят, что лучшей гарантией безопасности — постоянная готовность, непрерывный рост могущества отечественного Воздушного Флота.

Авиационная наука за эти годы шагнула далеко вперед. Творческая мысль советских конструкторов неутомимо работает, завоевывая новые вершины, создавая самые современные типы самолетов.

Растет и совершенствуется культура производства. Подлинно творческий труд сталановлен авиационной промышленностью, новаторство, мастеров своего дела обеспечивает выполнение новых задач, стоящих перед авиацией в наши дни.

— Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех! — этот девиз с новой силой окрыляет сегодня сталинских соколов.

Велико значение Воздушного Флота в восстановлении и дальнейшем развитии нашего народного хозяйства. Авиация давно стала серьезным транспортным средством, заняла видное место в борьбе за высокие урожаи колхозных полей, и стала верным помощником советских мясиков.

Придавая сталинской авиации в нынешнем году ослепительный новый полетом авиационной культуры нашей страны, широким распространением авиационных знаний в массах советского населения.

Почетная и ответственная роль в этом болевом государственном деле принадлежит созданному Всесоюзному добровольному обществу содействия авиации (ДОСАВ). На основе широко разветвленной системы своих организаций, через спортивную авиацию, парашютизм, планизм, аэмомодель, ДОСАВ будет способствовать росту и укреплению нашего доблестного Воздушного Флота.

День сталинской авиации весь советский народ встречает с огромным воодушевлением. Славя своих крылатых богатырей, Родина говорит им в этот день:

— Вперед и выше!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 57 (2440)

Суббота, 17 июля 1948 г.

Цена 40 коп.

РИМ.

Центральному Комитету Коммунистической партии Италии

ЦК ВКП(б) негодует по поводу злодейского покушения извергов человеческого рода на жизнь рабочего класса и всех трудящихся Италии — нашего любимого товарища Тольятти.

ЦК ВКП(б) опечален, что друзьям тов. Тольятти не удалось уберечь его от подлого нападения из-за угла.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

Носиф СТАЛИН.

Советский народ возмущен злодейским покушением на жизнь Пальмиро Тольятти

Силы демократии непобедимы

В Риме раздался злодейский выстрел. Это вложил в руки убийцы террористическое оружие?

Кто сказал бывалым палачам, что они выжили опять на себя черные рубашки Муссолини?

Итальянский фашизм слишком явно, слишком нагло поощрен всей последовательной политической мировой реакцией. Ему было разрешено существовать. Сейчас ему уже приказано открыто действовать.

Выстрел в Тольятти — это та «свобода», за которую усердно дрались американский доллар на последних выборах в Италию.

Выстрелы в вождя демократии — это «свобода» по-американски. Доллар вооружен Европу, чтобы она расправилась с движением европейских рабочих масс.

Итальянские муссолинистские подонки осмелились занести руку на Тольятти. Италия истинной демократии ответила на этот злодейский акт внушительной волной самозащиты.

Есть две Италии.

Итальянские предатели, трепещущие перед своим народом и стремящиеся терроризировать его выстрелами из-за угла. И другая Италия — Италия, готовая стенкой стоять за права народных масс и беспредельно любящая своих вождей, подобных Тольятти.

На стороне этой народной Италии — торжественный симфонический марш прогрессивного человечества. Это — факт огромной исторической силы.

В страстных и благородных словах сочувствия вождю итальянских коммунистов Тольятти, Иосиф Виссарионович Сталин выразил отношение советского народа к событиям в Риме.

Мировая реакция не смеет безнаказанно творить свой произвол! Доллару не удастся поставить на колени европейские народы!

Конст. ФЕДИН

Мы негодуем!

Вождь рабочего класса и всех трудящихся Италии, генеральный секретарь ЦК итальянской компартии Пальмиро Тольятти ранен подлой рукой из-за угла.

Сообщение об этом злодеянии не может не вызвать возмущения и гнева у каждого советского человека.

Не имея сил приостановить неуклонный рост демократического движения в Италии, реакционеры пошли на преступление. Бессильные убить правду, эти пингвини решили убить человека, говорившего правду народу. Но они жестоко просчитались! Нельзя убить правду, и нельзя обмануть народ. Трудящиеся Италии сумеют дать должный отпор организаторам злодейского покушения.

Я бывал в Италии. В 1935 году в составе группы советских журналистов я приехал в Милан на авиационную выставку.

Когда мы вышли с Миланского вокзала, шумная привокзальная толпа прохожих, непонятным образом узнавших, что приехали русские инженеры, встретила нас приветствиями. Проходя по живому коридору, мы со всех сторон слышали: «Русским привет!» Такие же стихийные приветствия возникали в дальнейшем повсюду, как только простые люди узнавали, из какой страны мы приехали.

Тогда же мне пришлось быть свидетелем какого-то фашистского праздника. На площади перед Миланским собором собрались молчаливые люди, мрачно прислушались по радио речи своего «хула» и разошлись. Особенно запомнились мне ихкие эмблемы, которые несли 10—12-летние мальчики в чепках-рубашках, — голые змеи с раскрытой пастью, череп и скрепленные кости и т. п. Это выглядело отвратительно и очень мрачно. И зрители вдоль тротуаров наблюдали «праздничную» процессию также в сумрачном молчании.

Какие огромные изменения произошли с тех пор в Италии! Разгромлен итальянский фашизм. Международная реакция хочет его возродить. Но теперь реакция столкнулась с новой Италией, страной Народного демократического фронта. Итальянцы почти двух с половиной миллионов коммунистов.

Эту новую Италию не удастся победить никому. Итальянский народ, знающий цену своей свободе, нельзя запугать никакими подлыми провокациями.

А. ЯКОВЛЕВ

Герой Социалистического Труда

ПОДЛЫЙ ВЫСТРЕЛ

Я глубоко потрясен вестью о злодейском покушении на жизнь вождя рабочего класса и всех трудящихся Италии Пальмиро Тольятти.

Сравнительно недавно мне довелось встретиться с товарищем Тольятти на съезде Национальной ассоциации партизан Италии и слышать его выступление. Полторы тысячи «старобальшиев» — участников съезда, сражавшихся в горах Италии против немецких оккупантов, в едином порыве горячо и искренне приветствовали любимого вождя итальянского народа.

Здесь на съезде и позже, во время поездки по Италии, мы убедились, что нет в этой стране более любимого и популярного имени, чем имя Пальмиро Тольятти. Это имя как бы олицетворяет всю коммунистическую партию Италии.

Наш Тольятти — так называют его повсюду. Во Флоренции и Генуе, в Турине, в Сене, где всемирно известны процветания населения — члены коммунистической партии, мы не раз слышали, как простые люди, рабочие и крестьяне, с огромной любовью говорили о Тольятти — вожде демократических сил страны.

Съезд итальянских коммунистов в Сене — съезд бедняков-крестьян, арендующих землю и вынужденных отдавать в уплату за нее половину урожая, прошел под знаком единения вокруг коммунистической партии. Я присутствовал на этом съезде. Все без исключения ораторы неизменно провозглашали в своих речах здравить и

честь коммунистической партии и ее руководителя Пальмиро Тольятти.

Помню митинг, состоявшийся в Болонье. На центральной площадке — площадь Маджоре 30 тысяч человек слушали выступление мэра города коммуниста Фаббани. Самый воздух, казалось, был электризован, когда оратор говорил о демократических свободах для народа, о создании подлинно народного правительства — Вива коммунисты! Вива Тольятти! — гремела площадь.

И вот злодейский выстрел из-за угла. Это — выстрел в сердце демократической Италии.

Только изверг рода человеческого мог посягнуть на жизнь мужественного борца за свободу народа!

Советский народ возмущен подлым нападением из-за угла на Тольятти. Мы полностью разделяем негодование, высказанное товарищем Сталиным в его телеграмме Центральному Комитету коммунистической партии Италии. Наша симпатия на стороне тех, кто сейчас с Тольятти, с народом Италии — на стороне Италии демократической, Италии, которую не покорить и не подкупить американским долларом.

От всего сердца желаю Пальмиро Тольятти скорого выздоровления!

С. КОВПАК

двукратный Герой Советского Союза

КИЕВ. (По телефону).

Идеи коммунизма нельзя убить

Как все это не ново. Не ново и умеренно.

Перед лицом своего полного и окончательного банкротства темные силы реакции не останавливаются ни перед чем.

Всемирный стяжатель, это человекоподобное существо с хищной и тупой гордыней, ослепленный бессильной яростью, выкладывает на стол свои последние аргументы:

Пистолет. Я. Верева. Подкуп. Клевета. Он выкладывает эти кровавые аргументы, потому что у него нет других.

Может быть, идея?

О, да!

У этого злодеевского собирательного существа с неясным брехом вместо головы и с клочком вместо сердца есть «идея».

«Мой бог — золото. Я рожден для власти и наслаждения. Я буду властвовать и наслаждаться, а вы — все трудящиеся мира — будете на меня работать. Вы будете на меня работать до кровавого пота. Вы будете умереть от непосильного напряжения. Вы будете голодать. Вы будете болеть. Вы будете слепнуть, глупнуть. Но вы будете на меня работать. Вы будете моим рабами. Я люблю роскошь, — вы будете доставлять для меня эту роскошь. Вы будете доставлять мне самую утонченную и драгоценную пищу. Вы будете подавать мне лучшее в мире вино. Вы будете строить для меня умопомрачительные транскакалские яхты и комфортабельные самолеты, чтобы я мог путешествовать. Вы отдадите мне самых красивых своих дочерей, ибо я похотев и люблю прекрасных

женщин. Вы будете создавать для меня прекраснейшие картины и симфонии. Вы будете для меня петь, ставить блистательные оперы, одевать меня в лучшую одежду и охранять мое спокойствие. Вы это будете делать для меня и для моих наследников и для нескольких тысяч избранных. А если вы не захотите на это работать, если вы начнете возражать, — я вас просто убью. Я считаю правильным убивать целые народы. Я вас убью потому, что в моих руках банка, полиция, наемные убийцы, яд, пистолет, веревка, кандалы...»

Вот его «идея».

Всемирный стяжатель боится. Несмотря на всю свою кажущуюся силу, он понимает, что дни его сочтены. Он уже финиш, он уже отработанный пар истории. И если еще сохранился яд в его жале, то это последний яд гадены, обреченной на смерть.

Перед ним стоит такая сила, в сравнении с которой он чувствует себя жалким пингвином. Это сила мировой правды, мировой юбры в справедливости. Это надежда человечества — коммунизм.

Они стремятся к коммунизму.

И вот — злодейское покушение на жизнь товарища Тольятти, вождя коммунистов Италии, верного сына своего народа.

Сердце кипит от негодования. Они хотят запугать. Нет, подлые убийцы, народы не запугаются!

Нельзя убить коммунизм. Коммунизм бессмертен. И коммунизм победит!

Валентин КАТАЕВ

Лучший сын Италии

Я видел Пальмиро Тольятти лишь однажды. Но облик его и взгляд, пронзительный, живой и одновременно озабоченный, вспоминаются мне всякий раз, когда в памяти возникает Италия, ее города, ее народ. Потому что Тольятти — это живое олицетворение трудящихся Италии, выразитель ее воли, чаяний, надежд.

В 1946 году в Милане состоялся массовый просмотры фильма «Битва», устроивший общественными организациями города. Когда зажгется свет, и лам подожгли невисокий, плотный сложенный, уже немалой итальянец. Это был Тольятти. Толпа тесно окружала его. Ближние старались подойти еще ближе, пожать руку; дальние становились на пыточки, чтобы увидеть его, вслушивались, чтобы уловить его слова. Он сказал нам:

— Спасибо. Этот фильм — хороший подарок рабочим.

И точно откликнулся на звук знакомого голоса, в толпе раздался возглас:

— Вива Тольятти!

«Вива Тольятти!» — «Да здравствует Тольятти!» — этот возглас любви, сердечной привязанности, уважения сопровождал его всюду, где он встречался с народом. А с народом он был всегда.

Можно сказать, что наша встреча с

Тольятти произошла раньше, чем мы его увидели. В первые же часы пребывания в Италии мы услышали его имя. Книжки Тольятти, его портреты — с ними встречались всюду: на улице, в заводских цехах, в жилищах рабочих, на страницах прогрессивных газет. Сколько раз, беседуя с итальянцами, мы видели улыбку гордости и надежды, с какой они произносили:

— Ностро Пальмиро! — наш Пальмиро!

Я вспоминаю поездку в Болонью. Задолго до въезда в город мы увидели необычайное оживление на дороге. Люди ехали на велосипедах, на попутных грузовиках, пили пешком. Они спешили в Болонью. Там в этот день должен был выступить на митинге Тольятти. Увидеть его, услышать из его уст слово надежды — ради этого итальянцы шли и ехали за много километров.

Любовь народа окружает Тольятти. Предательский выстрел Палласте — это дикерия фашистских извергов против итальянского народа.

Гневом и возмущением отвечают народные массы всех стран на подлый фашистский выстрел в Тольятти.

Михаил ЧНАУРЕЛИ, народный артист СССР

Праздник на Тушинском аэродроме

18 июля на Тушинском аэродроме в Москве состоится традиционный праздник в честь Дня Воздушного Флота СССР.

Вслед за исполнением Гимна Советского Союза, артиллерийского салюта из ста орудий начнется воздушный парад. Его откроют самолеты Добровольного общества содействия авиации. Пролетая над аэродромом, они начертат в воздухе слова приветствия вождю советского народа: «Слава Сталину». Затем пролетят три самолета ПО-2. На головном из них развернется красное знамя, на двух других — авиационные флаги.

Программа авиационных спортивных упражнений пилотов ДОСАВ'a начнется полетом в положении «голова к голове» двух самолетов УТ-2. Одина из машин будет лететь вверх колесами.

Женщины-пилоты Рапенская, Бодягина, Постникова, Шмелькова, Яриго продемонстрируют на самолетах ЯК-18 фигуры группового пилотажа — петли, вращающиеся бочки.

На смену им в воздух поднимутся 24 самолета УТ-2. За ведущей машиной летчика Павлова последуют летчики-спортсмены, овладевшие летным мастерством без отрыва от производства. Подойдя к аэродрому в кильватерном строю, самолеты, выполняя петли, образуют горизонтальную спираль — трудный и сложный вид высшего пилотажа.

Молодые мастера планерного дела летчики Калугин, Петров, Недашковский выполнят в воздухе сложные фигуры пилотажа высшего класса.

С аэродрома взлетит «вертолет», способный подниматься в воздух по вертикали с маленькой площадки. Машину пилотирует летчик Гуров.

Второе отделение парада откроется полетом мастеров советских асов — летчиков Военно-Воздушных Сил. Прославившие штылы страны продемонстрируют фигуры высшего класса на самолетах Лавочкина, реактивных самолетов Микояна, Гуревича, Яковлева. На потерю реактивных самолетов Яковлева дважды Герой Советского Союза Савинкин и ведомые им Герои Советского Союза Серета, Храмов, Ефремов и майор Соколов пролетят в строю «клин», как бы сплывающие между собой. В этом же строю они выполнят серию фигур высшего пилотажа.

В «воздушном бою» девятка бомбардировщиков Туполева, сопровождаемая звеном истребителей, будет «атаковать» восемь реактивных истребителей.

В заключительном третьем отделении покажут свое мастерство парашютисты — от одиночных прыжков, затяжных прыжков до высадки парашютистов десанта в составе дескальных сот человек.

Праздник закончится полетом новых типов советских транспортных самолетов.

Предстоящий праздник отличается от предыдущих своей массовостью, разнообразием и сложностью фигур высшего пилотажа.

Командиры производства — кандидаты наук

Энергетик московского металлургического завода «Серп и молот» тов. М. Старович получил недавно высокую степень кандидата технических наук. Тему его диссертации ему подсказала жизнь...

В мартовский цех прибыл прибор для автоматического регулирования теплового режима печей, ускоряющие плавуку стал. Однако освоение этих новых аппаратов оригинальной конструкции было делом не легким и требовало продолжительного времени.

Старович решил ускорить процесс освоения. Но это требовало гораздо больших знаний, чем те, что вынес он из института. И вот инженер стал регулярно посещать Московский энергетический институт. Получая свои познания на консультациях с академиком М. Виртшевичем, с членом-корреспондентом Академии наук СССР М. Михеевым, с профессором М. Вукаловичем, заводской энергетик проверял свои теоретические расчеты в мартовском цехе завода.

Наконец, разработанный Старовичем новый метод использования автоматов был применен на практике. Почти сразу же эффект превзошел ожидания: количество плавок увеличилось со 184 до 360. Достигнута огромная экономия топлива и времени. А каждый экономичный час работы мартова — это 8—9 лишних тонн стали.

Первые результаты применения метода Старовича совпали с другими крупными событиями в жизни инженера: он защитил диссертацию о режиме работы автоматов мартовских печей.

Инженер Старович — не единственный работник «Серпа и молота», получивший высокую степень в процессе работы на заводе. Недавно защитил кандидатскую диссертацию и главный инженер Л. Марморштейн. Как и у Старовича, кандидатская диссертация Марморштейна была результатом его производственной деятельности.

Многие командиры производства готовятся к защите своих диссертаций и на других заводах страны. В частности, на Днепропетровском заводе им. Петровского будут защищать кандидатскую диссертацию две группы инженеров. Их консультантом профессора Металлургического института. На Нижне-Тагильском заводе в числе будущих кандидатов наук — директор завода Л. Байгеров, главный инженер Е. Ломкин, главный слесарь Е. Курский, заведующий лабораторией Слоня и другие. Темы диссертаций, которые им предстоит защитить, разработаны на заводе.

Почему молчит профессор Лосев

Книжки советских писателей составляют повседневный круг чтения наших ребят, это — важнейший фактор идейного воспитания подрастающего поколения. Духовный багаж школьников, закладывающийся в детстве, влияет на многие книги современной литературы, не вошедшие ни в какие «оценки» рекомендованных текстов.

Я имею возможность наблюдать, как возрастает интерес учащихся к современной литературе, к изучению которой не уделяется в «уроки» часы, продолжается в досуге, в кружках, в беседах с учителями. У каждого школьника есть свой любимый герой, свой писатель-друг. И Чарльз, и Набоков, и Ремизов, и Олег Бонцов, и Зоя — все эти литературные образы помогают нашим юношам и девушкам в формировании их жизненного идеала.

Однако, когда я однажды спросила у своих учеников имена их любимых советских критиков, ответов мне было смущенное молчание. С трудом они назвали несколько случайных фамилий.

Я задумалась над причинами такого странного явления и решила поделиться своими мыслями на страницах «Литературной газеты».

Мне представляется, что в подобной непопулярности критиков у наших школьников виноваты прежде всего сами критики. Сравнительно редко появляются в наших газетах и журналах такие яркие статьи, которые, после которых возникла бы настоятельная потребность найти и прочитать книгу. Очень часто критики объективно ставят задачу простым школьникам, но в то же время не дают им возможности ознакомиться с содержанием, с особенностями содержания, с особенностями изложения. Это характерно, например, для статьи Ф. Лосева о книге Г. Штерна «Фотомонеты Ушакова» («Знамя», № 3, 1947). Статья тоже же Ф. Лосева о книге Л. Скорина «Павел Петрович Бажов» («Знамя», № 5, 1947), соединенная критикой применительно к критике. Ф. Лосев не показал главного — новаторского метода, сложившегося в монографии Л. Скорина, — в своей работе передать саму динамику творческого роста Бажова. Не исследованы поэтому обращены не только к прошлому писателя, но и к его будущему.

В статье Ф. Лосева и во многих из подобных нет ничего принципиально нового, чего бы не мог расказать и не поучить в литературе рядовой читатель. А между тем, важнейшая задача критики в том и состоит, чтобы показать черты, по которым оригинальность и своеобразие каждого явления советской литературы, записанного в ее положительный актив. Случается так, что о писателе, совершенно различных по характеру творчества и стилю, критик говорит одним и теми же штампованными абзацами.

В журнале «Новый мир» появилось несколько хороших, привлекающих внимание критических статей, как, например, статья Б. Яковлева, заставившая по-новому взглянуть на поэтическое наследие В. Хлебникова.

Очень много было «напущено тумана» вокруг этого имени. Трепещущая оценка «Хлебникова», провозглашаемая в статье Б. Яковлева, была более чем полезна: она была по существу необходима, так как в среде наших поэтов еще не преодолены до

В повести Георгия Гула «Весна в Сакене» показана шедевр, радостная молодость народа, новый, высокий смелый подъем, который охватил после войны всю нашу страну. Эта очень цельная, умная, веселая и поэтичная книга написана о новой сталинской пятилетке, о советских людях, вышедших из войны, вышедших на фронт и в тыл во время войны.

Георгий Гула — сын Дмитрия Гула, основоположника молодой абхазской литературы, — пишет по-русски. Это одно из многих и разнообразных проявлений прекрасной и неразрывной связи, существующей у нас между всеми национальными культурами, волевыми и творческими богатствами культуры русского народа и вкладывающими в общее русло великой и многогранной культуры социализма.

В русской литературной речи Георгий Гула умеет искусно передать своеобразный национальный характер своего народа. Он умеет передать в строй речи своих героев-сакенцев, и пламенный страстный характер, и доброжелательное лукавство их улыбки, и неустойчивую живую нервозность. В веселом, образном слове мы угадываем юмор, улыбаемся в абхазском фольклору; необычная красота пейзажа напоминает нам о том, что поэтическое зрение автора воспринято было на щедрой красоте абхазской природы.

Высоко, высоко в горах, в северо-восточном углу Абхазии находится небольшое село Сакен. С севера, запада и востока путь на Сакен ограждают крутые горы, с юга — девять перевалов и восемь бурных рек. Непроступен Сакен, жители его редко покидали свое горное гнездо, и в нем еще реже бывали гости из долины. В конце 90-х годов прошлого века здесь поручик Стуков, удачный чиновник, решил, что из-за жалких грошей сакенских крестьян не стоит пересекать девять перевалов и восемь рек, вычеркнул Сакен из описки сел, как вовсе не существующий.

В те далекие времена прибыл в Сакен из Сухуми человек, большой чистотой. Он «в беседах» хорошо отзывался о царе и князьях — хотя уши заткнул. Верно, был он горд и непохитлив и теперь расхаживал за свою неприступность. Человек этот обратил внимание на сероватую скалу близ села и начал уговаривать кре-

Георгий Гула. «Весна в Сакене». «Новый мир», № 4, 1948.

Е. ПАНТЕЛЕТ,
профессорская литература
68-я школа Москва

Вопрос влияния формализма, а именно понимание роли Хлебникова в процессе развития русской поэзии лишь затрудняло борьбу с этим влиянием.

В «Новом мире» я о интересом прочитала очень хорошую статью А. Тарасенкова «Космополитизм от литературоведения». В ней очень точно и верно был сосредоточен огонь на ошибках А. Веселовского, повторяющих азы дореволюционной буржуазной науки. Недавно в журнале «Болшое» (№ 9) была напечатана вступительная и содержательная статья А. Тарасенкова «Советская литература на путях социалистического реализма».

И потому особенно оговорительно было заметить тут печать поверхностности и снисхождений, которую был отмечен обзор поэзии за 1947 год, сделанный А. Тарасенковым в том же журнале «Новый мир».

Жалко водить «своим сестрам по серьгам». А. Тарасенков передо мной ограничивается общими фразами в оценке конкретных произведений. Вот как, например, критик говорит о поэтической работе А. Софронова в 1947 году: «Заслуживает внимания и новая поэма Анатолия Софронова... В поэме глубокий, волнующий замысел. Это поэма о партии, о ее исторических путях, о ее победах. Но подобный замысел требует и большой широты охвата жизни и большой глубины в показе тех величественных явлений, о которых говорится в поэме, чем это мы находим сейчас (?) у Софронова».

Заметки А. Тарасенкова носят, в сущности, протокольный характер, в них перечисляются отдельные выдержки факты, но нет анализа тенденций и путей развития советской поэзии.

Открытый журнал «Знамя». Беда не в том, что отделы публицистики и критики там формально разделены (публицистический жанр имеет несомненное право на самостоятельное существование), но в том, что публицистика и на самом деле из-за из критических статей в рецензиях журнала, а также много из них боевого наступательного духа.

Я всегда с большим интересом читаю статьи Д. Данина, критика тонкого и взвешенного. Но где тонко, там и рвется, — говорит пословица. Д. Данина увлекает часто знания его критической мысли, и он оказывается в плену чисто литературных аналогий и ассоциаций. Отграничиваясь подчас эстетическим анализом, он не переходит от образа к прообразу, от героя книги к герою современности, от произведения к жизни.

В статье «Пути романтизма» («Знамя», № 5, 1947) Д. Данин разоблачает романтические архивы В. Шендера и С. Маркова. Но его критика звучит приглушенно, потому что Д. Данин уклоняется от прямой и резкой политической квалификации остальных настроений этих поэтов. Статья трактует о путях романтизма в советской поэзии. Однако, как только речь заходит о романтике нашей действительности, о романтике революционной, так Д. Данин отстраняется распылчатыми, абстрактными определениями. В заключение следует

Б. БРАЙННИНА

статьи почитать поэту поэту этой сказки. Но никто его не послушал. Когда он умер, среди его вещей была обнаружена рукопись, озаглавленная: «Естественные фосфоры в местностях Сакена». Рукопись лежала на кушетке, но первый ее лист долго пролежал на стене одного из абхазских домов, прикрывая щель в стене. Сын хозяина этого дома, парнишка Кесоу Мирба, — главный герой повести, — вынул наизусть все, что там было написано. И зерно, брошенное в землю рукой неизвестного человека, дало богатые всходы.

Такова вводная часть повести. Вследствие своего географического положения, Сакен и после революции не сразу занял по-новому. Но в советской стране нет больше обездоленных, заброшенных закутков. Завернувшись в горы Сакен постепенно приобщается к советской культуре. Перед собой войной решено было проложить дорогу через непроходимые горы и бурные реки, а в самом селе соборались строить электростанцию.

Война отстранила исполнение этих планов. А вместе с ними не выполненными остались и план сакенца Кесоу Мирба о новом удобрении земли фосфоритами. Но и на передовой линии фронта продолжает он метаться о превращении мира в труд. Его мысль часто уносится в необычной скале, тающей в себе фосфориты в естественном виде, которые должны сделать рыжую землю Сакена (сплошной краснотой с песком) плодородной и плодородной. По окончании войны Кесоу ехал домой; лежа на верхней полке вагона, он слышал, как бывалые воины разговаривали не о прошлом, а о будущем. О будущем думал и Кесоу.

В родном селе Кесоу встречал друзей-сакенцев: тут и сестра Нана, и ее подруга Кама, и талантливый парень Смет, который добыл «городской свет» и сумел построить небольшую электростанцию, и еще другие — охотники, задрюженные и пытливые люди. Радостно и весело общаются с ними охотники, заветными думают. Но есть еще в селе люди, пришедшие собственную отсталость почитанием дедовских обычаев: Адамур, Рашит, Антон.

Однако таких людей мало. Со свойственным Георгию Гула тонким, лукавым и веселым юмором в повести показана вся несомненность с новой жизнью открыв-

традиционная отговорка: «Тут не место для подробного разговора об этом».

В программе средней школы фигурирует ограниченное количество имен выдающихся советских писателей. Тем большее значение и для учителя и для учащихся приобретают те работы, в которых подмечены в общих чертах характерные особенности и пути развития советской литературы. Однако таких работ очень и очень мало.

Недавно мой ученик, готовясь к докладу, попросил меня указать какому-нибудь книгу о творческом пути А. Фадеева. Наде было видеть его удивление, когда он узнал, что об этом крупнейшем советском художнике с творческим стажем в 25 лет не написано до сих пор ни одной книги.

Большее того, я не смогла рекомендовать учащемуся какую-либо монографию о творчестве Маяковского. Лишь к юбилею этого лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи, восемь лет назад, вышло несколько книг, ныне в значительной мере устаревших и к тому же, в основном, посвященных характеру воспоминаний. И после этого — ничего!

Уже много лет советское правительство присуждает Сталинские премии за наиболее выдающиеся произведения литературы. Достоинство удивления, что наша критика не сделала попытки проанализировать особенности, объединяющие эти книги, показав на их примере вдохновляющую силу коммунистических идей.

Это относится и к отдельным писателям-лауреатам. Хотелось бы познакомиться с творчеством П. Павленко в связи с присуждением ему Сталинской премии за книгу «Счастие», а с замечательным образцом, что многолетний путь автора таких выдающихся романов, как «Баррикады», «На Востоке», «Счастие», не привлек внимания ни одного советского критика. Непростительное упущение!

Большую нужду испытывает учитель, да и не только учитель, в книгах по теории литературы, которые основывались бы на материале произведений советских писателей. Совершенно неправильно, что мерка и масштабы дореволюционной литературы применяются к анализу произведений литературы советской, самая лезвия которой образцы принадлежат новым качествам. Наши школьники оперируют застывшими, историческими определениями «трагического», «сатиры», «эпопеи», «романа», равно прилагая к Державину и Маяковскому, к Гоголю и Шолохову. Давно назрела необходимость в конкретных исследованиях по теории советской литературы.

«Учительская газета» и журнал «Литература в школе» мало помогают учителю, недостаточно популяризируют новые произведения советской литературы. Критические и библиографические статьи в «Учительской газете» появляются очень редко. Журнал «Литература в школе», интересующий, главным образом, методическими проблемами, почти совсем не печатает статей о новых книгах советских писателей.

Возвращаясь к некоему вопросу о роли советского критика, хочется пожелать ему не идти за писателем, за книгой, а смело шагнуть вперед, указывая путь. Критик и писатель вместе создают литературу, высокое назначение которой заключается прежде всего в ее благородной учительской миссии.

ИТАК, ИДЕТ ВЕСНА!

В повести Георгия Гула «Весна в Сакене» показана шедевр, радостная молодость народа, новый, высокий смелый подъем, который охватил после войны всю нашу страну. Эта очень цельная, умная, веселая и поэтичная книга написана о новой сталинской пятилетке, о советских людях, вышедших из войны, вышедших на фронт и в тыл во время войны.

Георгий Гула — сын Дмитрия Гула, основоположника молодой абхазской литературы, — пишет по-русски. Это одно из многих и разнообразных проявлений прекрасной и неразрывной связи, существующей у нас между всеми национальными культурами, волевыми и творческими богатствами культуры русского народа и вкладывающими в общее русло великой и многогранной культуры социализма.

В русской литературной речи Георгий Гула умеет искусно передать своеобразный национальный характер своего народа. Он умеет передать в строй речи своих героев-сакенцев, и пламенный страстный характер, и доброжелательное лукавство их улыбки, и неустойчивую живую нервозность. В веселом, образном слове мы угадываем юмор, улыбаемся в абхазском фольклору; необычная красота пейзажа напоминает нам о том, что поэтическое зрение автора воспринято было на щедрой красоте абхазской природы.

Высоко, высоко в горах, в северо-восточном углу Абхазии находится небольшое село Сакен. С севера, запада и востока путь на Сакен ограждают крутые горы, с юга — девять перевалов и восемь бурных рек. Непроступен Сакен, жители его редко покидали свое горное гнездо, и в нем еще реже бывали гости из долины. В конце 90-х годов прошлого века здесь поручик Стуков, удачный чиновник, решил, что из-за жалких грошей сакенских крестьян не стоит пересекать девять перевалов и восемь рек, вычеркнул Сакен из описки сел, как вовсе не существующий.

Георгий Гула. «Весна в Сакене». «Новый мир», № 4, 1948.

В «Великой силе» сколько упоминается о том, что профессор Милантин недоволен тем, что профессор Лосев, не имея возможности отойти от рукописей и подробных объяснений, занимается своим преподаванием в Нью-Йорке... Насколько известно мне, книгу яшу вы еще в Москве не опубликовали, да и равно, насколько мне известно, ее опубликовать. Я спрашиваю: достойно ли это советского ученого?

Правда, представств себе, как вел себя в заграничной командировке профессор Милантин, весьма нетрудно: примерно, так же, назло полагать, как профессор Лосев.

Впрочем, если бы не успели посмотреть пьесу Александра Штейна «Закон чести», премьера которой состоялась в самом конце истекшего театрального сезона в Московском театре драмы, — вы еще не знакомы с Сергеем Федоровичем Лосевым.

Совсем незнакомый, любопытнейший экземпляр из пороки милантинских. Внешне никакого сходства. Суховатый, замкнутый, подчеркнуто калорийный Лосев, каким играет его Григорий Кириллов, совсем не похож на вечно улыбающегося, такого общительного и разговаривающего григорьевского Милантина. Трофим Игнатьевич сравнивает себя с колобом. — Сергей Федорович вот уж никак не похож на колоб. Милантин весь состоит из округлостей, Лосев — из острых и прямых углов. Милантин путлив, Лосев прочен. Оба они неискренни, оба актерствуют, но если Милантин размышляет этакое развешенное янги, то Лосев смеивается на «репрезентационного» англичанина.

Впервые мы видим Лосева в зале заседаний Академии медицинских наук. Он только что вернулся из заграничной командировки и отчитывается в послед.

Стараясь ничем не выдать своего торжества, он спокойно, даже чуть-чуть пренебрежительно рассказывает о том, что известно об обезьяньем препарате Добровольского. — Лосев произвел за океаном настоящий фурор. Ему и Алексею Алексеевичу Добровольскому присвоено «гонорис лауре» звание доктора в двух университетах.

Обо всем этом Лосев повествует сдержанно, с чувством собственного достоинства, без милантинского уныния. Но почему-то в самой этой сдержанности чувствуется что-то дельное, напряженное. Может быть, боязнь сказать лишнее?

— Даже печать Херста и Паттерсона — Маккоррика, обычно клеветнича на все, что делается в Советском Союзе, — сообщила Лосеву нашу работу своим благосклонным вниманием.

Не правда ли, это «созвучило» почтительному вполне саркастическому? Не правда ли, профессор Лосев дал вам почувствовать, что он вовсе не склонен переоценивать значение признания его заслуг реакционной американской печатью?

Сергей Федорович доказал: ему удалось, кажется, найти верный тон. Но вывели его прерывает академик Верейский: — И это настолько умилило вас, что вы решили уступить первенство советской науки американским фирмам? Как Павел Павлович — за чужеземную похвалу?

Общее движение. Шум. Голоса: «Что, что такое?», «Что он сказал?», «Почему?». Все возбуждено, — все, кроме Лосева. Кириллов только издает авторскую ремарку: «Лосев невозмутимо жмет, пока кончат шум».

Да, Лосев — это вам не Милантин. Тут бы возмущался или притворился бы возмущенным, объяснял бы, оправдывался, уверял, что «никто не умилился». Лосев не таков, — он невозмутим. Не сближался ли академик Верейский объяснить, что означает его реакция? Да, — см. статью «Милантин и другие», «Литературная газета», № 4.

Теперь мы уже знаем, что гореловская замкнутость и суровость для него такая же масса, как для Милангина общительность и благодушие. Лосев предпочитает казаться загадочным, чем оказаться разгаданным. Самоуверенность Лосева, как и самоуверенность Милангина, — блеф. Доля, как и Милантин, не может чувствовать себя уверенным в обществе, этические нормы которого им нарушаются.

Лосев говорит Добровольскому: «Вы, всегда думаете о людях лучше, чем они того заслуживают». Сам он видит в людях лишь лозы — завистников, честолюбив и интриганов. Он не верит в их бескорыстие, ибо не знает, что такое бескорыстное служение народу. Беспристрастный, он не может и не хочет признать принципиальности побуждений своих противников.

Противников? Да, если Милантин, каким видел, не мог позволить себе роскошь иметь врагов, то Лосеву кажется, что он достаточно силен для того, чтобы припять бой за свое собственное благополучие.

На что же он рассчитывает? Быть может, на свои научные заслуги? Нет, на этот счет профессор Лосев вряд ли заблуждается. Кто-то, а он знает, что для его участия в открытии препарата не велика.

Послушаем, что говорит о нем: — Бывший ученый. — Он теперь не делает науку, а представляет ее. — И даже Добровольский, жалая подчеркнуть заслуги своего коллеги, говорит: — Он высвободил меня для науки.

Да, Лосев давно уже перестал считать, — он только жмет. Жмет — и только для себя; собирает плоды — и только в собственные руки.

Так на что же, в конце концов, рассчитывает профессор Лосев? В минуту откровенности он признается Добровольскому: — Я предвижу, а все предвижу! Куда до отхода в Америку... Я знал, завистники, — а у нас их много, — будут, как огня, бояться нашей мировой славы... она вызовет у них почку на-под. Я непростительно думал об этом, и я... я признаю меры самозащиты...

Мы уже знаем, в чем выразилась эта «самозащита», — передача еще не опубликованной рукописи американской фирме, рекламная шумиха за океаном, эвенту, прилюдное «гигорис лауре» в двух университетах...

В этом, если хотите, есть своя логика. В нашей социалистической стране нет такой силы, на которую мог бы опереться атомист и карьерист. Он ищет эту силу за рубежом, в стане наших врагов.

Лосев изобретает. Суд чести сорвал о него маску и показал его истинное лицо.

— Сейчас начнется закрытая конференция, — говорит в самом конце пьесы профессор Добровольский, приглашая Лосева войти в лабораторию, где они еще недавно вдвоем работали. — Дисторонним вход воспрещен.

Лосев: — Я ле посторонний. Добровольский: — Нет, посторонний. Посторонний советской науке человек.

— Бывший ученый.

— Он теперь не делает науку, а представляет ее.

И даже Добровольский, жалая подчеркнуть заслуги своего коллеги, говорит:

— Он высвободил меня для науки.

Да, Лосев давно уже перестал считать, — он только жмет. Жмет — и только для себя; собирает плоды — и только в собственные руки.

Так на что же, в конце концов, рассчитывает профессор Лосев? В минуту откровенности он признается Добровольскому:

— Я предвижу, а все предвижу! Куда до отхода в Америку... Я знал, завистники, — а у нас их много, — будут, как огня, бояться нашей мировой славы... она вызовет у них почку на-под. Я непростительно думал об этом, и я... я признаю меры самозащиты...

Мы уже знаем, в чем выразилась эта «самозащита», — передача еще не опубликованной рукописи американской фирме, рекламная шумиха за океаном, эвенту, прилюдное «гигорис лауре» в двух университетах...

В этом, если хотите, есть своя логика. В нашей социалистической стране нет такой силы, на которую мог бы опереться атомист и карьерист. Он ищет эту силу за рубежом, в стане наших врагов.

Лосев изобретает. Суд чести сорвал о него маску и показал его истинное лицо.

— Сейчас начнется закрытая конференция, — говорит в самом конце пьесы профессор Добровольский, приглашая Лосева войти в лабораторию, где они еще недавно вдвоем работали. — Дисторонним вход воспрещен.

Лосев: — Я ле посторонний. Добровольский: — Нет, посторонний. Посторонний советской науке человек.

3.

Это очень правильно сказано. Это говорит Добровольский — тот самый профессор Добровольский, который так упорно брал Лосева под свою защиту, который не видел ничего дурного, ничего недостойного в поведении своего коллеги.

Добровольский заблуждается.

Этим, как будто, все сказано. Но, по существу, этим сказано еще очень мало.

Возникает вопрос: почему же он заблуждается?

Скажут: его ввел в заблуждение Лосев. Верно. Но ведь было что-то в самом профессоре Добровольском, что лишило его иммунитета, как говорят медики, перед базиллой космополитизма. Что же именно?

Аполитичность. Сколоду усвоенный штег перед иностранной наукой. Насколько гиперпрофессионализм честолюбия. Ослабление связей с коллективом.

Тут-то и подошел Лосев.

Добровольский наивно полагает, что он вполне самостоятелен и независим, когда с нафосом восклицает: «Государства имеют границы, наука их не имеет!»

Но ведь это — милантинская фраза. Это — лосевская фраза. Более того: это — интерпретация афоризма из американского журнала «Лайф»: «Наука не знает географических границ».

Разница заключается в том, что Добровольский искренно верит в это изречение, а в то время как Лосев, не говоря уже о продажных писаках из «Лайфа», прекрасно знает, что это — обман чистейшей воды.

Зловещая фраза о «единой и неделимой» мировой науке, якобы не знающей географических границ, представляет собою самую типичную ложь.

Такой науки нет и быть не может. Омерзительные идеи космополитизма не могли бы рассчитывать на влияние в среде нашей интеллигенции, если бы не прикрывались идеями интернационализма. Нам надо решительно срывать эту маску и обнажить перед народом подлинное предательское лицо буржуазного космополитизма. Проникновенные идеи космополитизма — это не что иное, как правдивая идеологическая диверсия. Утверждая, что, дескать, неважно, где именно сделано открытие, неважно, где оно было впервые опубликовано, неважно, за кем останется приоритет, — объективно на руку только вражеским социальным шпионам.

Честь, достоинство, патристический долг требуют от наших ученых бдительной охраны приоритета советской науки. «Закон чести» очень наглядно и убедительно показывается, к чему может привести доверие к космополитическим принципам.

Лосев школой не пошел бы сказать Добровольскому: «Что вам, дескать, Алексей Алексеевич, заботиться об интересах государства, позабываете лучше о самих себе? Нет, он говорит иначе: «Поймите, Алексей Алексеевич, оттого, что мы с вами мировое признание получим, государство наше не проиграет, а выиграет».

Он умышленно, что это «мировое признание» будет куплено ценой утраты приоритета советской науки. Он умышленно не только лекарство, но и оружие. Он умышленно о том, что это открытие, попла и руки торжественных и империалистических кругов, может быть использовано в ущерб нашему государству.

Все это Добровольский понял позже. Суд чести открыл ему глаза на многое. Он понял, что такое профессор Лосев. Он понял и проучивался, как глупо и пагубно заблуждался проф. Добровольский.

В пьесе кто-то говорит о Добровольском «это не человек, а явление». Театр, кажется, опустил эту реплику, и тавтологически в спектакле Добровольский, каким его играет Александр Ханов, не вполне отвлеченное явление, а живой, настоящий человек. Тотнее: именно поэтому театру и удалось обнаружить явление, что он сумел правдиво и убедительно показать человека.

Обращение к животрепещущим темам современности, смелое раскрытие реальных жизненных противоречий, возмущающая ясность, — вот что решило успех пьесы и спектакля.

И мы благодарны этой книге за то, что, что от нее в мире повело на нас весной великого послевоенного сознания, новой весной одного из непобедимых и вечно молодых народов великого Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 57

Как всегда, товарищ Сталин высказал мысли и чувства советских людей.

14 июля, в тот же день, когда в Москву пришло сообщение о покушении на генерального секретаря Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, товарищ Сталин отдал в Рим Центральному Комитету Коммунистической партии Италии телеграмму. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Сталин выразил негодование по поводу злодейского покушения извергов человеческого рода на жизнь рабочего класса и трудящихся Италии — нашего любимого товарища Тольятти.

Так именно чувствуют и думают все советские люди. Вести о покушении на товарища Тольятти больно отозвалась в сердце каждого из нас, подняла огромное чувство негодования против злодеев и против тех, кто направляет его руку. И в то же время у каждого из нас невольно мельнула мысль: как же это так? Как не уберечь такого человека?

Сквозь очки смотрят на собеседника умные, пытливые глаза, время от времени озаряемые тонкой усмешкой. Иностранцы корреспонденты, встречавшие Тольятти в Риме, обычно подчеркивали, что он похож на ученого. Да, его можно считать ученым. И не потому, что он окончил с отличием университет в Турине, где получил звание доктора филологических наук и философских наук, а потому, что всю свою сознательную жизнь — Тольятти теперь 54 года — он отдал тому, чтобы сделать достоянием рабочего класса и трудящихся Италии учение Ленина — Сталина, наиболее успешно применив его на практике. Он прошел струю школу пролетарского революционера, сидел в фашистских тюрьмах. Будучи занят решением больших политических проблем, он вместе с тем считал своей самой большой и важной задачей редактирование переводов сочинений Ленина и Сталина на итальянский язык.

Тольятти — ученый, потому что он великий революционер. А подлинный революционер, организатор миллионов масс, не может не быть ученым. Аудитория Тольятти не замкнула четырех стен. Сотни тысяч людей слушают его на площадях Рима, Милана, Турина, Неаполя, миллионы читают его пламенные статьи в коммунистической печати.

Тольятти — итальянский патриот. И в то же время он пролетарский интернационалист. Врагам этого не понять, как не понять им того великого поворота, какой совершает ныне все человечество к коммунизму. В каждой большой своей речи он со страстью любовью говорит о России, стране победившего социализма, о Сталине. Он не перестает напоминать народу Италии, что только дружба с Советским Союзом обеспечит ему подлинно независимое существование и продвижение вперед, по пути настоящего прогресса.

10 июля, за три дня до покушения на Тольятти, в итальянской палате депутатов обсуждался вопрос о ратификации италийско-американского соглашения по плану Маршалла. Депутаты реакционного большинства старались подчеркнуть свое равнодушие и пренебрежение к выступлению ораторов прогрессивно-демократического лагеря. Они открыто демонстрировали, что сколько бы здесь ни раздавалось возгласов против капитализма перед американским империализмом и как бы правдивыми и разумными ни были эти возражения, — все равно ничто не поколеблет их мнение. И все же Тольятти возбудил их истинное любопытство. Правительство большинства. Уже с первых его слов оно настроилось. Тольятти говорил о том, что демократический лагерь во главе с Советским Союзом борется за мир, за прогресс и демократию. США во главе империалистического лагеря готовят новую войну. Италия хочет превратиться в плацдарм антисоветской войны. Растерянность и замешательство наступили среди депутатов большинства, когда Тольятти пок бурные аплодисменты левых депутатов закончил:

«Нам, коммунистам, чужды легкомыслие и беззаботность. Когда мы говорим о войне, мы знаем, что говорим о серьезных вещах, и знаем, в чем состоит наш долг. Наш долг сегодня — признать весь итальянский народ борется за мир для Италии, для Европы и для всего мира. Такова наша цель сегодня. Но если завтра наша страна будет на деле увлечена на путь, ведущий к войне, нам также известно, в чем будет состоять наш долг. Ответом на империалистическую войну теперь является восстание, восстание в защиту мира, независимости и будущего страны».

Тольятти — один из крупнейших деятелей нашей эпохи. Он прекрасный оратор, самозабвенный публицист, умный стратег и тактик. Его величие в том, что он без

гранично предал делу социализма, делу Ленина — Сталина, в том, что он полон нескрываемой веры в силы рабочего класса, в том, что он неразрывно связан со своей партией.

В феврале 1942 года, когда Гитлер и Муссолини еще кичились своими победами, Тольятти писал: «Фашистская Италия — накануне банкротства». Тольятти доказывал, что, связав судьбу Италии с судьбой германского империализма, Муссолини обрек ее на катастрофу. Исторический путь Италии — это путь дружбы со славянскими странами. Тольятти глубоко анализирует итальянскую действительность. Кое-кому тогда казалось, что рабочий класс Италии окончательно разгромлен, залужен. Но Тольятти смело и открыто апеллирует к рабочему классу Италии.

«Как хлеб, как воздух и солнце, — пишет он, — необходимо рабочему классу Италии, чтобы все передовые элементы на больших и малых предприятиях страны, в центрах сельскохозяйственного производства вышли из состояния пассивности, отказались от позиции выжидания и немедленно, со всей энергией и всеми силами принялись за восстановление подпольной антифашистской организации, которая в состоянии была бы подготовить, организовать и обеспечить руководство широкого движения пролетарских масс города и села».

В апреле 1943 года в статье «Кризис фашистских верхов в Италии» он предвещал близкий конец Муссолини. И снова он обращается к рабочим Италии, которых призывает выполнять роль «авангарда всей нации, всей страны в битве против позорной фашистской тирании».

В 1944 году Тольятти возвращается в Италию. Рядом с ним становится когорта старых коммунистов — руководителей партий, подпольщиков, бывших узников фашизма. С чего начинается Тольятти? Он приступает к собиранию сил партии, к строительству большой массовой партии рабочего класса. Партия — это основа основ. Времени не жлет. Борьба Советской Армии за окончательный разгром немецкого фашизма разворачивается с нарастающей силой. Тольятти организует массы для участия в войне против фашизма. Но и на один час он не забывает важнейшей задачи: строительства партии.

Начинается поистине страдная пора. В стране хозяйничает английские и американские войска, которые не дают рабочему классу и трудящимся Италии проявить в жизнь серьезные социально-экономические преобразования. Земля на юге остается у помещиков, предприятия — у фашистских владельцев. Положение не меняется и после окончания войны. В стране продолжают оставаться американские оккупационные войска, которые всечески тормозят антифашистский, демократический подъем масс. Но коммунистическая партия растет. В ее рядах уже свыше миллиона человек. Эта цифра увеличивается, она достигает двух миллионов. Тольятти всецело старается способствовать антифашистскому подъему масс. Он работает над укреплением единства рядов рабочего класса. Единный фронт с коммунистической партией, созданный еще до войны, становится более прочным. Тольятти входит в правительство. Американские империалисты, внутренняя реакция, Ватикан усиливают борьбу против коммунистической партии. Но требованию американской реакции коммунистов уступают из правительства. Вместе с коммунистами из правительства уходят и социалисты. Но к этому времени численность партии уже превышает два миллиона. Во Всесоюзной итальянской конфедерации труда — семь миллионов рабочих и служащих.

Верный ученик Ленина — Сталина, Тольятти борется за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, за создание широкого народного демократического фронта.

Еще свежо в памяти сражение, которое дал Народный демократический фронт международной реакции на парламентских выборах в апреле этого года. Все силы международной и внутренней реакции

Враги ненавидят Тольятти, они боятся его, как боялись его учителя — Антонио Грамши, с которым он вместе, начиная с 1919 года, возглавлял и укреплял Коммунистическую партию Италии. Когда Грамши после установления фашистской диктатуры выступил в итальянском парламенте, всеобщий тогда Муссолини вытеснял его вперед и, приказывая руку к уху, старался возможно более явственно разбирать, что говорил своим слабым голосом большой Грамши. И когда Грамши умер в 1937 году в больнице при фашистской тюрьме, возле него день и ночью дежурили тюремщики.

Даже враги вынуждены признать огромные и разносторонние дарования Тольятти. Английские и американские журналисты называют его самой сильной головой современной Италии. «Однажды в везунную ночь, — писал в американском журнале «Сатердейт плейн пост» его редактор Бесс 17 января 1948 года, — я слушал выступление Тольятти перед 30-тысячной толпой римлян, теснившихся на старинной площади города. Через рупоры громкоговорителей достигал каждого уголка огромной площади его голос, звучавший мягко, ясно, спокойно и мелодично. Тольятти безусловно является сейчас лучшим оратором в Италии... Логически сформулированные аргументы Тольятти часто привлекают внимание даже тех людей, для которых его слова неприемлемы. На этот раз слушатели встретились горячими аплодисментами его слова о том, что крупнейшая партия Италии — христианско-демократическая — работает за миллионы американских долларов и что «каблочки этой католической партии являются не христово распятие, а крест, который должен нести народ!»

Другой американский журналист в марте 1948 года в журнале «Лук» писал о Тольятти: «Многие считают его самым острым политическим умом в Италии, если не во всей Западной Европе». Этот журналист уверяет, что видел Тольятти совсем близко и что он человек «могучего телосложения». Тольятти — человек нормального телосложения, но у страха, видимо, глаза велики.

Его повинен в злодейском покушении на Тольятти? Его травля вся международная реакция, начиная от Государственного департамента США и кончая правым социалистом-раскольником Сарагатом. Не так давно Государственный департамент США опубликовал для «всеобщего сведения» список руководителей компартии. Это был своего рода адресный указатель для всех контрреволюционных террористов, для всех разведок. В этих списках Государственный департамент США, разумеется, не преминул указать имя Пальмиро Тольятти. Всего за два дня до покушения на Тольятти газета Сарагата «Уманито» поместила передовую статью Карло Андреани, в которой призывала к расправе над Тольятти и к расправе «во метафизической». Полную ответственность за покушение на Тольятти несет правая христианско-демократическая партия, главная американская партия Италии.

Рабочие и все остальные трудящиеся Италии любят своего вождя Пальмиро Тольятти. Уже через час после того, как стало известно о покушении на Тольятти, стихийно прекратилась работа пролетария Рима, Милана, Генуи, Флоренции, Болоньи, Неаполя и других городов Италии. Это было еще за несколько часов до того, как собралось руководство ВКП, вынесшее решение о всеобщей стачке протеста против покушения на Тольятти, против разгрома реакции в стране. На этот раз реакция не может даже прибегнуть к своему излюбленному кланетическому утверждению, будто каждая стачка инспирируется «Коминформом», как она обычно называет Информационное бюро компартий.

Рабочий класс Италии демонстрирует в эти дни искреннюю любовь и преданность своему вождю, решимость бороться до победы над подлинную демократизацию Италии. С большим волнением ждут трудящиеся Советской страны, трудящиеся всего мира очередной бюллетень о состоянии здоровья Тольятти. Они от всей души желают быстрого выздоровления в строй любимого товарища и друга, вождя рабочего класса и трудящихся Италии, верного ученика Ленина и Сталина — Пальмиро Тольятти.

Демократы сделали «жест отчаяния»: кандидатом в президенты выдвинул Гарри Трумэн.

Несмотря на все потуги и обычные для американских буржуазных партий демагогические приемы и шумиху, запрокинув сзади так и не удалось рассеять атмосферу уныния и глубокого пессимизма, в которой проходила сессия «Апатия», «шпаленность», «полусумасшествие», «уныние», «пессимизм» — вот слова, которыми пестрили отчеты американской печати, посвященные работе сессии.

Но уверенным некоторым американским журналистам, делегатам выглядели, как рождественские похороны, а в помещении партийного руководства парила траурная атмосфера. Чем объяснить такое уныние?

Последние месяцы характеризовались отчаянными попытками партийных лидеров и стоящих за их спиной монополистов найти возможно более солидного и «беспроигрышного» кандидата в президенты.

Большие надежды в этом смысле возлагались на бывшего начальника штаба американской армии генерала Эйзенхауэра. Ставку на Эйзенхауэра вместе с партийными «боссами» делали некоторые финансовые магнаты, не пожалевшие средств для развертывания широкой кампании в его пользу. Однако план выдвижения кандидатуры Эйзенхауэра не удался. Видимо, сам Эйзенхауэр, под давлением влиятельных кругов, поддерживавших Трумэна, предпочел спокойное место президента Колумбийского университета весьма беспокойному участию в борьбе за место в Белом доме, да еще на главе такой неорганизованной, разобщенной, а главное, изрядно расстрившей свой политический капитал партии, как современная демократическая партия США.

Отказ Эйзенхауэра, а затем и члена Верховного суда Дугласа, который мог бы сыграть роль «либерала» с целью отвлечь голоса рабочих и других прогрессивных избирателей от «третьей партии» и ее кандидата Уоллеса, — по сути дела лишил политиканов из демократической партии возможности выбора; таким образом, выдвинуто кандидатуры Трумэна было фактически предопределено. Планы с избранием Эйзенхауэра пришлось снять. Но никто при этом не позаботился раскрыть планы с портретами Трумэна и заняться разданием значков с его изображением, как это всегда бывает в такие дни.

Комментурия настроения делегатов сессии, журналисты братья Олсон писали в день его открытия: «У утруженных и полных делегатов сессии имеется только лишь одно очевидное общее чувство — недовольство президентом... Трумэн просто оказался слишком маленьким человеком, чтобы сплотить внутри демократической партии элементы, придерживающиеся различных взглядов».

Именно эти настроения были выражены в шуточной форме двумя делегатами, сочинившими такую песенку:

На ферму Гарри мы пошлем,
В его родной уезд.
Пока он нам не натворит
Еще похуже дел.

Подобные неслучайные характеристики нынешнего кандидата демократической партии появлялись во время сессии не только на страницах таких газет, как «Нью-Йорк геральд трибюн», считающейся рулоном разговорающих кругов республиканской партии, но и в таких газетах, как «Нью-Йорк таймс», тесно связанной с партийным аппаратом демократической партии. «Если Трумэн в настоящее время и добьется выдвижения своей кандидату-

ры, — писала «Нью-Йорк таймс», — то это произойдет потому, что никто ему не противостоит, а вовсе не потому, что он представляет выбор большинства делегатов сессии».

Что касается самого Трумэна, то он всячески давал понять, что непрочность сессии еще на четыре года в Белом доме и даже повести за это борьбу, чтобы не считаться случайным гостем в резиденции президента США. Само собой понятно, что в этом стремлении Трумэн опирался на весьма влиятельные финансовые и промышленные круги, с которыми он сумел установить достаточно тесную связь за время пребывания в Белом доме.

Для осуществления поставленной цели Трумэн недавно предпринял довольно шумное турне по стране в специально поэте. Хотя президент и утверждал, что его поездка вовсе не имеет политического характера и представляет собой скорее нечто вроде маленького «шпикинга», все же он при каждом удобном случае произносил политические речи, в которых весьма резко нападал на своих противников, демагогически критиковал конгресс и не скупился на всякого рода типично предвыборные обещания.

На какие только уловки не пускался президент на президентский престол, чтобы привлечь к себе внимание избирателей! Сопровождавшие его корреспонденты, захлебываясь от удовольствия, описывали даже, как в штате Айдахо уже немалой президент решил совершить захватывающее дух путешествие по воздуху, но не на самолете или джетах, а... в кресле вагончика воздушной канатной дороги. «В прошлом кандидаты в президенты надевали головные уборы влиятель, целовали младенцев и посещали собрания «братских организаций» довольно темного происхождения», — писал по этому поводу корреспондент «Чикаго сан энд таймс», — по такого случая еще не бывало».

Национальный съезд демократической партии пролетаризировал перед всем миром глубокий кризис, переживаемый в настоящее время этой партией. Демократы, которых Франклин Рузвельт четыре раза подряд успешно вел к победе на выборах, стали катастрофически быстро терять свое влияние в связи с тем, что Трумэн и его окружение окончательно капитализировали перед магнатами Уолл-стрит. Наиболее прогрессивные элементы, оставшиеся верными рузвельтовскому «программе», решительно отделились от политики Трумэна и открыто примкнули к Гарри Уоллесу и к возглавляемой им автономнополитической «третьей партии».

Все, что осталось от прежней демократической партии, — это разобщенные, разрозненные, враждующие между собой группы, которых Трумэн, по общему мнению, объединить не в состоянии.

С тяжелым грузом приходит к выборам демократическая партия. Несмотря на все попытки ее представителей оправдать свою собственную политику в глазах широких масс избирателей и в глазах ополчившейся на республиканцев, в США с каждым днем становится все меньше людей, которые не вылет, что обе партии руководствуются в своей практической деятельности одними и теми же интересами — интересами монополистического капитала. Тщетно пытался Трумэн и его сподручные использовать сессии для того, чтобы убедить избирателей, будто во всех трудностях и провалах повинен кто угодно, но не демократы. Бому в США не известно, что программа империалистической экс-

пansion проводилась и проводится на той называемой двухпартийной основе, что доктрина агрессивной внешней политики была заслуженно названа «доктриной Трумэна», что план закабаления Европы не случайно окрещен именем нынешнего государственного секретаря Соединенных Штатов, что «каменная дипломатия» разрабатывалась теми самыми главарями демократической и республиканской партий, которые рьяются теперь в тогу миротворцев, стремясь обмануть избирателей.

Напрасно пропагандистские агенты из демократической партии думают, что предвыборный шумихой и демагогическими разговорами о необходимости отмены казального закона Тафта — Хартли можно заставить американский народ забыть о том, что же в действительности подавляет забастовки железнодорожников и горняков, кто не только не препятствовал введению пресловутого закона Тафта — Хартли, но и усердно проводил его в жизнь.

Широкие массы избирателей не могут забыть и о целой серии законодательных мероприятий, превращающих США в полицейское государство, то же так же, как они не могут забыть о личном приказе президента, которым выданы драконовские меры, связанные с проверкой «лояльности» миллионов государственных служащих.

Столь же демагогическими выглядят предвыборные рассуждения президента о так называемых «гражданских правах», если сопоставить эти рассуждения с конкретными делами — с фактическим саботажем нынешним правительством и республиканским конгрессом отмены расовой дискриминации, с отказом органов юстиции принять какие-либо действенные меры против линчевания негров.

Чувствуя свою слабость, сознавая свою непопулярность, главарь демократической партии решаются на «жест отчаяния». Они делают ставку на Трумэна, надеясь, что путем использования контроля над партийным аппаратом, и что еще важнее, путем использования сохраняющейся пока в руках Трумэна президентской исполнительной власти ему удастся на протяжении почти четырех месяцев, оставшихся до дня выборов, совершить ряд демагогических маневров и тем самым повысить избирательные шансы демократов. В этом свете и следует рассматривать новый маневр президента, решившего в жарком порядке созвать специальную сессию конгресса для рассмотрения ряда законопроектов, связанных с демагогическими предвыборными обещаниями обеих партий.

Можно, однако, заранее сказать, что все эти затеи не дадут ни инициаторам ничего, поскольку ни одна из двух партий, стоящих на страже интересов крупных монополий, не способна и по-настоящему не стремится провести какие-либо серьезные демократические реформы в интересах американского народа.

Новый маневр Трумэна, являющийся типичным дешевым и притом запоздалым предвыборным трюком, как и вся его программа «гражданских свобод», рассчитана на то, чтобы поставить в затруднительное положение своих республиканских соперников и в то же время попытаться «отвлечь» голоса от крепнущей коалиции прогрессивных сил, слагающихся вокруг программы мира и демократии.

Но обманывать широкие массы американских избирателей дешевыми демагогическими приемами и посулами становится все труднее, особенно в условиях роста и укрепления новой народной, демократической, антиимпериалистической коалиции в США, смело бросающей вызов лагерю реакции и поджигателей войны.

Фашист во главе сенатской комиссии

Бывший помощник генерального прокурора США Рогге на заседании сенатской комиссии по изучению законопроекта Мундта, предусматривающего запрещение коммунистической партии в США, заявил, что «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» с первого дня ее существования возглавляют только профпалестинские настроенные члены конгресса: Лайс, Рэнкин, Вуд и, наконец, теперь Томас. Неучастливо, что за продолжением всей олимпиады лет «работы» комиссия она запомнлась только преследованием прогрессивных организаций и граждан, но упорно не обращала внимания на фашистов, хотя ей неоднократно на них указывали.

На основе неопровержимых документов Рогге доказал, что председатель комиссии Томас в прошлом — член фашистской террористической организации Бу-кларкс-клуб. Рогге дважды требовал, что-

бы Томас был вызван на этом основании для допроса, но ему дважды в этом отказали. Очевидно, сенатская комиссия солидаризируется с заявлением Рэнкина о том, что «Бу-кларкс-клуб» — стопроцентно-американская организация, хотя она и значится на одном из первых мест в списке «подозрительных организаций», опубликованном на так давно генеральным прокурором США.

Вся «свободная» американская печать, конечно, обшла заявление Рогге полным молчанием, несмотря на то, что ему было уделено немало места работе сенатской комиссии в тот самый день, когда там выступил Рогге.

Фашист-ку-клуб-клубовец, стоявший во главе комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности», — можно ли представить себе более яркий образчик всей «демократии» в действии!

Т. ГИЛЯРЕВСКАЯ

ПЫТКА ГОЛОДОМ

Греческие монархо-фашисты, взбешенные провалом всех своих военных «походов» против демократической армии, пытаются вызвать измором население деревень или городов, подозреваемых в сочувствии генералу Маркосу. Фашисты блокируют мирное население этих городов и деревень и пытаются уничтожить греческих патриотов костлявой рукой голода.

Американский разведкомментатор Роберт Сентлжон опубликовал в еженедельном журнале «Мэгэзин» 48 статью, в которой рассказывает о трагическом положении сорока шести деревень в районе Янины с общим населением примерно в 40 тысяч человек. «Более половины этих деревень, — сообщает Сентлжон, — было полностью лишено всякого продовольственного снабжения. Десятьдесят четыре из них не получали продовольствия в течение пяти месяцев, две — в течение полугода. Их морили голодом из политических соображений».

В Афинах Сентлжон видел весьма необычную карту Греции. Она была испещрена красными точками, и каждая такая точка обозначала город или деревню, население которой монархо-фашистские власти намеренно обрекали на голодную смерть.

В округе Элассон было блокировано 45 деревень из 51, а в Гревене — 93 деревень из 105. Роберт Сентлжон посетил одну такую деревню Асвестарио, которая находилась в кольце голодной блокады 10 месяцев.

Населению блокированных деревень запретили кроме того производить рубку леса и лишить его, таким образом, не только продовольствия, но основного источника заработка!

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: И. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Из последней почты

С НЕКОТОРЫМ ОПОЗДАНИЕМ...

В вышедшем на днях первом (третьем) номере журнала «Вопросы философии» помещен небезынтересный материал информационного характера.

«В июне текущего года, — говорится в заметке «От редакции», — вся советская страна и все прогрессивное человечество отмечали столетие со дня смерти великого русского революционного демократа и мыслителя Виссариона Григорьевича Белинского. Статьи, посвященные Белинскому, редакция предполагает дать в № 2 (4) журнала за 1948 год. В силу ряда обстоятельств выход второго номера несколько задержался, поэтому столетие со дня смерти Белинского будет отмечено в нашем журнале с некоторым опозданием».

Что же узнает читатель, прочтя этот плод коллективных усилий уважаемой редакционной коллегии?

Во-первых, читатель узнает, что редакция журнала «Вопросы философии» оказалась позади прогрессивного человечества, что совершенно не к лицу журналу, призванному быть в первых рядах именно прогрессивного человечества.

Во-вторых, читатель так и не знает, будет ли в следующем номере журнала материал о В. Г. Белинском, так как редакционная коллегия такой материал только «предполагает» напечатать. А читателю известно, что «предположенное» не всегда сбывается» (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, том 3, стр. 1012).

Кажется противоздравственным, когда солидные люди, допустив в работе серьезные промахи, делают вид, как будто бы ничего не случилось.